

УДК 316.42

ВАРДГЕС ПОГОСЯН,

кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры социальных технологий Белгородского государственного университета (Россия)

Инвариантность общественного развития: методологические импликации

Ничто так не требует от нас теоретических изысканий, как опыт исторических изменений и межкультурное разнообразие.

Крейг Калхун

Аннотация

Методологические импликации в рамках социологического теоретизирования о детерминированности социально-исторического процесса позволяют автору выдвинуть тезис об инвариантности вектора развития общества. Гипотеза основывается на верифицируемой историческим опытом конкретных обществ устойчивости социокультурного компонента в периоды социальных изменений. На основании обобщения положений о структурированности социального действия, аутопоietических системах, транcисторических структурах и институциональных матрицах, а также результатов собственного исследования автор делает вывод об ограниченности амплитуды альтернатив социального развития и возможностей социальной инженерии.

В контексте трансформационных процессов в постсоветском пространстве высказывается предположение о принципиальной невозможности воспроизведения в локальных условиях либерально-рыночных обществ западного образца как не соответствующих логике имманентного развития.

Ключевые слова: *инвариантность, социокультурный компонент, социальное действие, менталитет, доминанты, детерминанты, институциональная матрица, азиатский способ производства*

Опыт изучения всемирной социальной истории позволяет выявить примеры успешных диффузионных межцивилизационных заимствований и

ускоренных мобилизационно-модернизационных преобразований, позволивших конкретным обществам в кратчайшие сроки повысить свою жизнеспособность, противостоять рискам и вызовам эндогенного и экзогенного характера. Однако проблемность построения в течение 20 лет в современных реалиях задекларированных постсоветскими реформаторами либерально-демократических обществ, функционирующих на рыночных основаниях, не только позволяет констатировать несоответствие теоретико-методологических принципов проводимых преобразований локальным условиям, но и ориентирует — в рамках разрешения социологической проблемы — на более адекватное, чем дихотомия “традиция — модернность”, объяснение устойчивости подвергаемого реформированию институционального устройства.

Актуальность проблемы обусловлена также обострившейся во “время перемен” ответственностью научного сообщества перед терпящими социальные катастрофы миллионами людей, которые стали жертвами квазинаучных экспериментов и радикалистских импровизаций. Необходимы определение методологических границ существующей социальной практики, формирование новых подходов к осмыслению происходящей трансформации, отказ от приводящих к катаклизмам монокаузального мышления в политике и волюнтаризма в социальной инженерии.

Г.Осипов справедливо полагает, что в постсоветских реформах “социально-экономические механизмы оказались неадекватны поставленным целям. Необходимо решительно отказаться от социального мифотворчества, строго и последовательно опираться на науку, в том числе, и не в последнюю очередь на социологию” [Осипов, 2002: с. 13–14].

Любые социальные преобразования, основанные на концепции локальной социологии, направленной на исследование конкретного социума и его различных сфер, должны исходить из особенностей знания индивидов в этом социуме, определяемых культурно-историческими факторами и обосновывающих выбор той или иной стратегии планирования и развития общества, а исследование характера протекания исторических процессов должно способствовать предотвращению разрыва между проводимыми реформами и реальной действительностью.

Тематика уникальности конкретных обществ и культурного разнообразия в целом находит адекватную научную рефлексию, констатирующую сложившееся цивилизационное многообразие, что проявляется во многих направлениях социологии и отражается в ее концептуализациях и понятийном аппарате.

Настоящая статья имеет целью, сопоставляя различные концепции, основанные на факте множественности культурно-исторических форм, и оперируя в рамках социологического теоретизирования методом импликаций, выявить роль социокультурного компонента в общественном развитии, чтобы сформулировать общие положения методологии преобразования конкретных обществ.

Обращение к специфике социокультурной динамики локальных обществ актуализирует вопрос о детерминирующих общественное развитие факторах, роли детерминант и доминант в процессах социальных изменений.

Многопараметрический анализ истории и современного состояния обозначенного выше направления в социологическом теоретизировании дан в фундаментальном исследовании П.Штомпки “Социология социальных из-

менений” [Штомпка, 1996]. Морфогенетической альтернативой системной модели, согласно П.Штомпке, становится всепроникающая динамичность социальной реальности (процессуальность общества, процессуальность структур); при этом конкретное общество рассматривается как полевая структура, непрерывный процесс, структурированный поток событий в рамках *определенного* (курс. мой. — П.В.) социального поля.

С таким видением социальных изменений как трансформаций в структурной определенности общества солидарен Э.Гидденс: “Что такое социальное изменение? В определенном смысле все постоянно меняется. Выяснение значительного изменения означает демонстрацию преобразований в базовой структуре объекта. Что касается человеческого общества, то, чтобы решить, насколько и каким образом система претерпела изменения, мы должны показать, до какой степени модифицируются базовые структуры за определенный период. При определении изменений, кроме того, нужно показать, что остается неизменным” [Гидденс, 1999: с. 600].

Относительную неизменность через самоподдерживающуюся саморегулирующуюся уникальность отмечали цивилитологи (Н.Данилевский, О.Шпенглер, А.Тойнби), ее доминированием социологи объясняли специфическое институциональное устройство (М.Вебер) и самоидентификацию (С.Хантингтон). “Неизменно-особое” стало основным препятствием на пути практического осуществления в XX веке двух утопических конструкций социальной инженерии: построения всемирной социалистической системы и вестернизирования в глобальном масштабе посредством западноцентристской модернизации.

Объективное существование многообразия планетарных культур и множественность “модернов” различных цивилизаций с присущими им формами жизнеустройства и укладами хозяйствования делает несостоятельными теоретически и невозможными в осуществлении на практике универсалистские программы социальных преобразований тотального характера. “Любые концепции, которые претендуют на универсальный характер, могут завоевать широкое признание, но не способны стать основанием для разработки адекватной программы практических действий. Отказ от таких “теорий” — требование нашего времени” [Иноземцев, 2006: с. 184].

В современной научной картине мира архаичкой, сродни апокалиптической средневековой схоластики, предстают утопические универсалистские идеи безальтернативности бесклассового общества (К.Маркс) либо общества “модернити” с “концом истории” (Ф.Фукуяма). Попытки излишне универсализовать любую, даже в целом верную научную методологию, искусственно подогнать под типологизированные стандарты проявления конкретного процесса и события во всех регионах и странах мира приводят к игнорированию существующих особенностей развития народов, к искажению исторической действительности в целом.

Современные научные представления о мире сопряжены с понятиями поливариантности, многообразия; фатальность и телеологическая конечная заданность отрицаются, признается объективное существование альтернатив и возможность выбора, но выбор этот ограничен. Выделение и более внимательное рассмотрение в социальной динамике порождаемых самоорганизационной составляющей феноменов, изучение структуры как

части системного пространства, элементного состава и соответствующих динамических связей может помочь понять меру такой ограниченности.

Самоорганизация, согласно классической парадигме социального знания, происходит благодаря тому, что в процессе общения людей в группе возникают социальные регуляторы — “социальные факты” (по Э.Дюркгейму) в виде лидеров, субординации, распределения статусов и ролей, возникновения групповых ценностей и норм, группового мнения, социальных институтов, обуславливающих деятельность и поведение людей. Этот набор базовых ценностей “охраняется” специальным механизмом (по О.Контю) или регулятивной системой (по Г.Спенсеру), которые обеспечивают социальный контроль. Относительно устойчивый социум существует при наличии социальных регуляторов в сочетании со сформировавшимися общими базовыми ценностями и соответствующими им социальными нормами, а также социального механизма, воспроизводящего эти ценности и нормы. Истоки же возникновения социальных институтов, по мнению П.Бергера и Т.Лукмана, нужно искать в физической природе человеческих существ. Стремление скоординировать социальную составляющую своей жизни — антропологическая необходимость для успешного выживания: “Внутренняя нестабильность человеческого существования вынуждает к тому, чтобы человек сам обеспечивал стабильное окружение для своего поведения. Человек должен сам классифицировать свои влечения и управлять ими. Эти биологические факторы выступают в качестве необходимых предпосылок создания социального порядка” [Бергер, Лукман, 1995: с. 89].

Одной из особенностей институтов является их историчность. Институты не возникают одномоментно, их создание в процессе взаимных типизаций и действий социальных акторов занимает длительное время. Понять сущность конкретного института невозможно без изучения истории, продуктом которой он является. Согласно Э.Дюркгейму, генетически общество возникает в результате взаимодействия индивидов, а возникнув, начинает жить по собственным законам. Но любое общество не возникает в безвременье и в вакууме, оно организуется в определенном состоянии окружающей среды (климатический фактор), локализуясь в пространственном измерении (географический фактор), обладая первоначальной ресурсной базой. Природные условия отражаются в процессах общественной жизни в основном не непосредственно, а как опосредствованные производством в его специфической общественной форме. Различен и ресурсный потенциал: человеческий (демографический), экономический и научно-технический (технологический). Объединение происходит на основе потребностей, опосредствованно трансформирующихся в систему ценностей, на основе которой с течением времени формируются исторические, культурные и этнические традиции. При этом создается и функционирует политическая структура, которая отражает внутреннее социетальное устройство и адекватна существующему геополитическому окружению. Совокупность перечисленных факторов формирует уникальный социокультурный компонент цивилизационной матрицы конкретного общества, задавая алгоритмы его деятельности и являясь инвариантом социально-исторического развития. Цивилизационная матрица предстает как доминантный интеграл социальной, экономической и культурной сфер бытия; как системы взаимосвязанных элементов, формирующих структуру любой цивилизации и обуславли-

вающих ее уникальность, что объясняет многообразие современных обществ и культур. Такое гармоничное целое, образуемое различными элементами культуры, П.Сорокин называл логико-смысловой интеграцией (высшей формой интеграции), на основе которой возникает социокультурная суперсистема — господствующая система истин, создающая свою философию, свое мировоззрение, свою религию, свою литературу, эстетику, искусство, свою экономику и политику. Возникнув, социокультурная суперсистема приобретает свою логику развития, эволюционирует по своим внутренним законам. Эти изменения составляют суть социокультурной динамики [Сорокин, 2000]. Такая социокультурная среда объективно производит габитус (по П.Бурдьё) — “систему прочных приобретенных предрасположенностей (диспозиций)” [Бурдьё, 2001: с. 101]; в дальнейшем они используются индивидами как исходные установки, которые порождают конкретные социальные практики индивидов, а сами индивиды трактуются как носители упорядоченных, типичных наборов практических действий.

Формируется присущий той или иной социальной системе массовый психотип, который необыкновенно устойчив. Определение сущности национального характера, размышления о влиянии природно-климатических условий и политических факторов на особенности характера народов, наблюдения за проявлениями национальной специфики в особенностях социальной жизни и культурном творчестве наций и народов, первый опыт компаративистики — сравнения характера различных народов мы находим в работах В.Вундта, Г.Гегеля, И.Гердера, И.Канта, Г.Лебона, Ш.Монтескье, И.Фихте, Д.Юма. В XX веке исследование теоретических и методологических проблем национального характера и национального менталитета получает широкое распространение в различных областях научного знания. Работы Г.Андреевой, Ю.Бромлея, Г.Гарфинкеля, А.Здравомыслова, И.Кона, Х.Ортеги-и-Гассета, Д.Филда, Э.Фромма обосновывают важное значение национальной специфики в жизнедеятельности народов и дают методологический базис для исследования сущности и своеобразия национальных менталитетов.

С одной стороны, менталитет, являясь отражением специфики социокультурной среды, социально детерминирован и подвержен влиянию социальных изменений. Но скорость его изменений несоизмерима с разовым внедрением инновационной технологии или одноактной сменой “де-юре” форм собственности в хозяйственном укладе. Менталитет определяется как мировоззренческая матрица, картина мира в сознании человека, как его вписанность в эту картину, норма представления мира вокруг себя и себя в нем; это — глубинные структуры культуры, исторически и социально укорененные в сознании и поведении многих поколений людей, объединяющие в себе различные исторические эпохи в развитии конкретного общества. Таким образом, с другой стороны, менталитет сам задает алгоритмы и вектор процесса социокультурной динамики, определяет умонастроения, жизненную позицию и стереотипы поведения, обеспечивает связь времен и преемственность поколений. Прошлое входит составной частью в настоящее и будущее, проявляется и существует в них в неявном виде. “Индивид не столько мыслит сам, сколько актуализирует в себе опыт прошлых поколений, цитирует их социальный опыт мышления. Он как бы мыслит заново уже помышленное до него” [Московичи, 1996: с.98]. Можно сказать, что с особенностями менталитета так или иначе связаны социальные представления и возможные, и, тем более,

свершившиеся варианты социальных действий. В свою очередь, структурированность социального действия с вертикальной взаимосвязью всех уровней дает основания говорить о невозможности спонтанности и маргинальности социальных действий, которые в отличие от рефлексивных и инстинктивных действий осознанны априори. Если представить себе, например, двух отдельных субъектов, один из которых пытается сознательно воздействовать на другого, то даже отсутствие социального окружения не избавит их от необходимости учитывать культурные нормы прежнего социального опыта. Следовательно, от оценок исторического выбора прошлого в историческом сознании современников зависит их поиск вариантов будущего развития, поскольку прошлое инкорпорировано в ментальные структуры субъектов действия как их бессознательное. Механизм социального действия реализуется в пределах определенного контакта — не только пространственного и временного, но и в плоскости ценностных отношений.

В.Ядов показал, что высшие уровни диспозиционной иерархии (жизненные устремления и ценностные приоритеты) так или иначе регулируют социальное поведение в долгосрочной перспективе, и в конкретных жизненных обстоятельствах социальное поведение может существенно корректироваться этими обстоятельствами [Ядов, 1979]. Этим и определяется социокультурная уникальность различных обществ, а также объясняется возникновение, все более знаково проявляющейся по мере глобализации всех сфер стилей жизни противоположной тенденции — борьбы за сохранение уникальности национальных культур. Прежде всего, именно уникальная культура, по мнению А.Назаретяна, выступает негэнтропийным источником локальной социальной системы [Назаретян, 1996]. Конкретное общество, таким образом, имеет принципиальное отличие благодаря уникальному социокультурному компоненту, который является ядром институциональной матрицы и определяет ее свойства, формируя своеобразный менталитет индивидов-сограждан общества, который, в свою очередь, определяет особенности поведенческих практик как исполнения алгоритма нормативных установок.

К.Поланьи, изучая формирование индустриального общества в Западной Европе Нового времени, предложил принципиально новый подход к осмыслению теории экономических систем, создав институциональную концепцию, критикующую представления об универсальном характере рыночных отношений и ставящую социально-экономические изменения и прежде всего социальные институты в зависимость от исторически пройденного пути [Поланьи, 2002]. Расценивая протекционизм как проявление стихийных мер общества по своей защите, К.Поланьи не воспринимал экономику как изолированное от других общественных сфер явление, считая, что она пребывает в неразрывной связи с другими сферами. Условное разделение общества на четыре сферы: экономическую, социальную, политическую и духовную представляет его как сложное структурированное целое. Взаимосвязь и взаимодействие элементов (подсистем) социальной системы вновь актуализирует оперирование такими отвергаемыми постмодернистским дискурсом категориями, как детерминанты, доминанты, варианты, инварианты.

Неприемлемость апологетики отнюдь не означает утверждение волюнтаризма в социальной жизни и субъективизма в научном анализе. По моему глубокому убеждению, материалистическое понимание истории не потеряло своего парадигмального значения, а созданные К.Марксом категории способ-

ны адекватно отражать современную объективную реальность, современные общественные отношения, включая напряженность между трудом и капиталом. Критика положений марксизма вполне обоснованна в части доминантной роли экономического императива — возведенный в абсолюте экономический детерминизм в подходе к человеку эмпирически обнаружил свою явную ограниченность. Историческая практика опровергла предположение о жесткой однозначной каузальной связи между революционным преобразованием форм собственности и быстрым изменением общественного и индивидуального сознания людей. Последний тезис в равной мере относится и к попыткам западнцентристского переустройства обществ, не принадлежащих по социокультурным и иным признакам к “эталонной” цивилизации. Немаловажной оказалась роль неэкономических факторов, совокупность которых вариативна для различных обществ и инвариантна для конкретного.

А.Саакян, основываясь на концепции артефактного опосредования, приходит к выводу: “Если прежние ценности и “правила игры” достаточно глубоко укоренились в культуре или, что еще более существенно, опирались при их создании на особенности ментальности, то игнорирование исходного состояния объекта реформирования при любых экономических трансформациях чревато самыми неожиданными последствиями, как в ближайшей, так и в отдаленной перспективе” [Саакян, 2007: с. 16].

Соответственно, социокультурные факторы становятся доминантами в точках перехода-выбора, определяя направление и способ жизнедеятельности социума, и опосредствованно материализуются в хозяйственном укладе, формируя экономический базис общества, который детерминирует общественное развитие (в рамках локальной цивилизации возможно и наблюдаемо (эмпирически фиксируемо) формационное развитие). Доминанты и детерминанты находятся в единстве и постоянно взаимодействуют; результатом подобного взаимодействия выступает многовариантность форм существования обществ.

И.Андреев конкретизировал указанное многообразие рамками двух основных паттернов, считая, “что исторически значимы были по крайней мере два пути генезиса государства — социально-деспотический и военно-демократический; что ни один из этих путей не может считаться ни универсальным, ни строго региональным; что противопоставление деспотизма как якобы типично “восточного” феномена древней демократии как продукту Запада носит умозрительный, идеологически не безобидный характер, поскольку дает основания “для поиска призрака восточной деспотии в любых (даже современных) формах хозяйственной централизации, государственного планирования и общественной собственности на землю” [Андреев, 1985: с. 191]. Таким образом, даже в ортодоксальном западнцентристском марксизме особняком стоит концепция азиатского способа производства, по существу, констатирующая прямое влияние восточных традиций и психологии на характер и уровень развития производственных отношений.

Зависимость экономического уклада, инновационной направленности экономики и способности к модернизации от типа культуры выводят в своих работах Л.Харрисон и С.Хантингтон, доказывая, что культурная специфика разных стран оказывает влияние на их политическое, социальное и экономическое развитие [Хантингтон, Харрисон, 2002; Харрисон, 2008]. Факт детерминации национальной модели рынка особенностями исторического и куль-

турно-психологического развития соответствующего общества нашел отражение в ряде теоретических публикаций об институциональных матрицах и специфике трансформаций постсоветского пространства (М.Ельчанинов, О.Бессонова, Т.Заславская, С.Кирдина, Р.Нуреев, В.Федотова). Фиксируемые исследователями распределительный, редиистрибутивный (С.Кирдина), рентный (В.Дементьев), раздаточный (О.Бессонова), политарный (Ю.Семенов) типы экономики суть проявления азиатского способа производства, в котором не рынок, а сдача-раздача — это неизменные константы, а иерархическая система — это изменяемый компонент [Бессонова, 1994]. Сторонники такого подхода в экономике основываются на тезисе о том, что всегда и одновременно существовали как рыночные экономики, так и нерыночные экономики. Оба типа экономик зародились в глубокой древности: рыночные экономики взяли за “базу” межобщинные отношения обмена, в то время как раздаточные — внутриобщинные отношения “сдачи-раздачи”. Системы хозяйствования обладают определенной гибкостью и степенями свободы, позволяющими им изменяться и принимать разные формы, не нарушаясь в зависимости от знания, интересов и воли политических и хозяйствующих субъектов, от наличия ресурсов и внешних условий. Меняя только исторические формы своих базовых институтов, рыночные и раздаточные экономики в настоящее время продолжают свое поступательное развитие. Согласно С.Кирдиной, в институциональной структуре обществ действуют базовые (доминирующие) и комплементарные (дополнительные) институциональные матрицы. Это означает, что институты рынка сосуществуют с институтами редиистрибуции, демократия и федерация — с принципами унитарности и централизации, а субсидиарные личностные ценности в общественном сознании уживаются с ценностями коллективными, коммунитарными. Принципиальное положение теории заключается в том, что история стран характеризуется устойчивым доминированием одной матрицы, и эта доминирующая матрица определяет рамки и пределы действия комплементарных институтов. Доминирование X- или Y-матрицы имеет вневременной характер и определяет социетальный тип общества. Доминирующая матрица означает способ социальной интеграции, найденный социумом в условиях проживания на тех или иных пространствах [Кирдина, 2001].

Институциональные ядра, состоящие из базовых институтов той или иной стороны институционального архетипа, не меняют своей природы на протяжении всего своего жизненного цикла. В этом своем качестве они постоянны, устойчивы и неизменны. В то же время они изменяются, но это изменение происходит на уровне форм и связано с отработкой формационных элементов либо касается только символов. Реформа одной из сфер-подсистем общества не преобразует кардинально всю социетальную систему. Последняя сохраняет интегральное качество и логику собственного развития. “В матрицах рыночных институтов заключены особые для каждого общества культурные традиции, без поддержки со стороны которых система законов, очерчивающих границы этих институтов, была бы фикцией” [Грей, 2003: с. 113–114]. Однако, если преобразования охватывают большинство подсистем, система может утратить механизмы поддержания институционального порядка и закономерности жизнедеятельности. В таком случае общество рискует не сохранить стабильное состояние и, более того, реформами спровоцировать катастрофу.

Структурно-функциональный подход (Т.Парсонс) выделяет две главные причины изменений в социальных системах: нарушающие равновесие тенденции, всегда наличествующие в отношениях между социальной системой и ее окружением, и напряженность, существующая между нормативными и структурными элементами любой социальной системы; соответственно он разделяет причины эндогенного и экзогенного характера.

П.Сорокин считал социальные изменения (трансформации) нормой системы и источником ее динамики, но предостерегал против абсолютизации социальных изменений, имеющей следствием нарушение сложившихся общественных отношений, что и приводящее общество как систему в состояние дезинтеграции. Он справедливо полагал, что это, в конечном счете, приводит к революциям и войнам, прозорливо отмечая в типологии таких нарушений в качестве важнейших политические нарушения, способные вызвать изменения существующего политического режима или строя, и социоэкономические нарушения, направленные на модификацию социального и экономического порядка. П.Сорокин настаивал на том, что реформы не должны сопровождаться противостоянием с базовыми потребностями людей, поэтому планируемым преобразованиям должны предшествовать глубокие научные исследования, направленные на изучение социальных условий жизни общества [Сорокин, 1992].

Поскольку доминирующая сегодня в обществознании точка зрения объясняет трансформации планетарного масштаба естественной рефлексией локальных обществ на сложившуюся в планетарном масштабе новую социальную реальность, то в рамках данного исследования, не акцентируя внимания на изменениях эндогенного характера, вызванных имманентной логикой собственного развития, следует обратиться к анализу внешнепричинных (экзогенных) изменений.

На то обстоятельство, что масштабные социальные изменения в одной стране оказывают воздействие на другие страны, указывал Р.Бендикс, отмечая вместе с тем, что любая страна, оказавшись в новой исторической ситуации, если не копировала, то испытывала сильное влияние существующих образцов изменений. При этом в каждом случае процессы межцивилизационных социокультурных взаимодействий обладают специфическими чертами, обусловленными историко-культурными особенностями региона, а исторически сложившиеся социальные структуры даже в кризисных ситуациях оказываются чрезвычайно устойчивыми и с трудом поддаются разрушению (цит. по: [Тернквист, 1992: с. 260–303]). С Р.Бендиксом солидарен Р.Коллинз: “История, отмечал Дюркгейм, должна быть микроскопом социологии. Он имел в виду не то, что история должна увеличивать малое, но то, что она должна быть инструментом, с помощью которого обнаруживаются структуры, не видимые невооруженным глазом” [Коллинз, 2000: с. 72]. М.Ельчанинов, справедливо полагая, что социальная синергетика адекватно исследует бифуркационный процесс, но недостаточно ясно описывает и объясняет структурные аспекты социетальной динамики в контексте длительной временной протяженности, методологическим инструментом, применимым к исследованию стабильного состояния социума, считает концепцию транс-исторических структур, дезорганизация или разрушение которых обуславливает движение кризисного социума по бифуркационному сценарию [Ельчанинов, 2006: с. 16–19]. Согласно Н.Луману, аутопойетическая система сла-

гает (пойетирует) себя, выбирая (селектируя) отношения со средой в форме опыта. При этом системы действия всегда воспроизводят действия, а граница системы со средой является основополагающим свойством любой системы, позволяющим ей сохранять себя как таковую: поддержание границы и есть поддержание системы [Луман, 2007: с. 17]. Е.Седов высказал гипотезу о том, что существует определенный энтропийный коридор, в котором социальные системы могут развиваться эволюционно. Согласно таким представлениям, уровень системного разнообразия должен колебаться в пределах 20–33%. Такие границы, с одной стороны, обеспечивают способность системы к инновациям, а следовательно — и к адаптации в изменившихся условиях, а с другой — позволяют сохранить системную целостность [Седов, 1993].

Результаты подобных исследований дают почву для размышлений о пределах возможностей социального творчества и о необходимости знания запретов на некоторые социальные действия, потенциально содержащие в себе возможность катастрофических последствий. Следовательно, в силу различия форм политических проявлений, полиморфизма социально-экономической жизни и мультикультурности социумов должны существовать значительные ограничения в использовании исторического опыта других обществ и транслирования этого опыта в массы. Без выделения элементов “несовместимости” оптимальное использование иного опыта, в том числе и в сфере социального управления, представляется недопустимым.

Изучение практик социального управления в рамках исторической социологии, релизующей фундаментальную методологическую позицию социологии — компаративность в темпоральном измерении, доказывает возможность эффективных преобразований общества, имеющих целью улучшение дееспособности, не симулирующе-имитационных, но действительных модернизаций, которые элиминируют риски потери национальной самобытности и превращения населения в этнографический материал, выводят страну, проводящую реформы, в число жизнеспособных и самостоятельно функционирующих сообществ. При этом конструктивные изменения внутрисистемны и происходят в пределах существующего порядка, не уничтожая его основ, несущих институциональных структур.

Компаративный анализ исторических практик социальных изменений, вызванных экзогенным причинным воздействием, позволяет обосновать следующие положения:

- Устойчивость социокультурной компоненты стала отражением общей исторической традиции в решении проблемы цивилизационного взаимодействия: подчинение любых заимствований, даже культурных и духовных, целям и задачам национального существования в истории. Во всех исторических фазах своего взаимодействия с внешним миром культуры-реципиенты сохраняли свой самобытный характер.
- Данные матричной культуры, запечатленные в сознании людей на уровне их культурного наследия, проявляются как этнокультурные специфические черты, присущие только этому народу и оказывающие влияние на вектор развития общества, определяя способы использования заимствованных фундаментальных открытий, уровень распространения инновационных привнесений, принятие или отторжение культурных новшеств.

- Социокультурная составляющая константа конкретного общества, будучи системообразующим компонентом, стремится к сохранению гомеостаза, состояния относительной стабильности системы. Социальная модернизация в этом случае выступает как рефлексия социальной системы в ответ на экзогенное воздействие. Сохраняя собственное матричное ядро, система проводит парциальную (фрагментарную), частичную модернизацию, то есть коррекцию определенных параметров, в которых имеется отставание, с целью повышения собственной стойкости и жизнеспособности [Погосян, 2009].

Совокупность общих социокультурных тенденций новой социальной реальности, на которые как на внешнепричинное (экзогенное) воздействие ожидалась адаптивная реакция, в том числе и постсоветских обществ, достаточно емко формулирует К.Вердери, считая, что проявляются эти тенденции на уровне социальной организации общества: “В хозяйственной сфере — как движение от индустриализма к постиндустриализму; в политической — от авторитарных режимов к демократическим; в правовой — от обычного к юридическому праву. Им соответствуют изменения в области социально значимого знания и мировоззрения: в религиозной сфере заметен сдвиг от священного к более светскому обоснованию миропорядка; в философии — от монистического к плюралистичному миропониманию; в искусстве — от стремления к стилистическому единству к полистилистике; в науке — от объективизма к антропному принципу” [Вердери, 2002: с. 298].

Таким образом, проблема современных социальных изменений состоит не в поиске вектора развития, не в смене самоидентификации, не в приобщении к цивилизации-“эталону” с привнесением нежизнеспособных в иной среде заимствованных институций, в способностях локальных цивилизаций к адаптации условиям новой социальной реальности — насущные преобразования укладываются в рамки формационных изменений в связи со сменой технологического уклада, основанного на интеллектуальном капитале, с соответствующими условиями для его продуктивного функционирования. В русле логики именно таких социальных изменений и следовало осуществлять реформы обществ постсоветского пространства, унаследовавших значительный производственный, технологический потенциал, интеллектуальный ресурс, мощные научно-индустриальные корпорации, эталонные для многих стран мира системы образования, здравоохранения и социального обеспечения. Необходимыми действиями представляли демократизация общества, меритократизация управления, структурная и технологическая перестройка экономики.

Однако был избран курс глубокого разрыва с системой социального знания, а вектор изменений кардинально противоречил базовым интересам и ценностям большинства населения страны. Предложенная обществу и осуществленная властной элитой модель преобразований, как констатирует В.Федотова, “была ориентирована не на технологические и демократические достижения Запада, а на перераспределение собственности в частных интересах и на его консьюмеристскую структуру. Поэтому под флагом модернизации произошла демодернизация, возврат к ранним формам капитализма, натурализация, феодализация в способах производства и человеческих отношений” [Федотова, 2001: с. 234]. Проведенные реформы, по мнению В.Добренькова, носят отрицательный характер, а установившийся

общественный строй не соответствует коренным интересам подавляющего большинства народонаселения [Добренков, 2003: с. 3–19]. Действующие экономики не обеспечивают долгосрочного существования своих стран, приобретая компрадорский характер, основанный на распродаже ресурсов и отсечении от доступа к этим ресурсам огромной массы населения.

Сам факт невозможности верификации программы преобразования общества в начальный момент ее осуществления обусловил активизацию социального мифотворчества, манипуляций массовым сознанием, что дало возможность властям объяснять продолжительность и неудачи реформ поиском вектора собственного развития и необходимостью периода первоначального накопления. Избегая полемики с пропагандистскими идеологемами в рамках научного исследования, считаю, однако, необходимым заметить в данном случае, что период первоначального накопления капитала (в категориях науки — отделение работников от средств производства, превращение их в наемную рабочую силу) имел в евразийском пространстве место с 1861 по 1936 год, а вектор развития каждого общества уже определен социокультурным компонентом цивилизационной матрицы, выступающим в качестве инварианта.

В постсоветском пространстве (за исключением стран Балтии) бифуркация 1990-х предстала как неустойчивая конфигурация конкурирующих альтернатив. В итоге общество с доминированием институтов X-матрицы реализовало одну из альтернатив, экстраполируя собственный опыт на современность, воспроизвело устойчивые институциональные константы — вертикаль бюрократической власти и соответствующий уклад экономики. Сообразуясь с конкретно-историческими условиями и воздействием случайных и целенаправленно действующих факторов, общество самоорганизовалось в рамках присущей ему цивилизационной амплитуды, предсказуемо воссоздав привычный уклад жизнедеятельности. “Генотип” системы хозяйствования не изменился, поскольку экономика хотя и ключевая, но все же часть более широкой и сложной системы жизнеустройства. Но произошла смена бенефициариев — в постсоветских странах (кроме Беларуси, сохранившей в основном функциональные свойства действовавшей ранее системы) произошло перераспределение общественных ресурсов и государственных монопольных функций между сформировавшимися кланами бюрократической номенклатуры, преследующими узкокорыстные собственнические цели. Подобная модель, известная как “crony capitalism” (“кумовской капитализм”) [Kang, 2002], приобрела в постсоветских обществах черты клептократии (захват национального богатства отдельными лицами) [Frye, Shleifer, 1997].

Сложилась такая ситуация, при которой инновации становятся основным источником максимизации индивидуального дохода, а, как определяет В.Дементьев, “избыток” частной власти, сформированной на основе производства: административной и экономической власти государственных чиновников, власти менеджмента, монопольной власти, криминальной власти. Происходит не добровольный рыночный обмен ресурсами, а принудительное (под угрозой насилия) перераспределение ресурсов объекта власти в пользу ее субъекта, что создает условия получения таких индивидуальных доходов, размеры и формы которых выходят за рамки экономической эффективности и целесообразности [Дементьев, 2003]. Бюрократия, коррупция, отсутствие конкуренции поддерживают занижение требований мировых стандартов, что

ведет к копированию отсталой техники, производству неконкурентоспособных товаров и услуг, отсутствию роста ВВП и сохранению ресурсозатратного технологического уклада. Приобретшая затяжной характер глубокая аномия общества в сочетании с кризисом духовной жизни и самих способов созидательного творчества подрывают основы воспроизводства обществом своей функциональности, создавая перманентную конфликтогенную напряженность (рост протестного потенциала в республиках СНГ, события 2004 года в Украине, 2008-го — в Армении, 2010-го — в Киргизии). Анализ в рамках исторической социологии позволяет выявить аналоги таких нарушений в системе государственного управления, наблюдаемых во всемирной социальной истории, констатировать преходяще-временный характер подобного общественного устройства и имевшие в истории способы элиминации его последствий, что применительно к современности актуализирует прозорливый тезис Е. Головахи о том, что элитарный эгоизм нередко заканчивается охлократической реакцией [Головаха, 1999]. “Институты, не отражающие национальную культуру или не соответствующие ей, не могут быть ни легитимными, ни стабильными: они либо видоизменяются, либо будут отвергнутыми теми народами, которым они навязаны” [Грей, 2003: с. 114].

Либеральная парадигма демонстрирует свою эффективность, в сущности, только в пределах современной западной цивилизации, но отнюдь не в Китае, странах Юго-Восточной Азии, Латинской Америки, Африки, мусульманского мира. Дж. Стиглиц отмечает, что в ходе реформ в наибольшей выгоде оказались страны, которые пошли не по пути неоглядного либерализма, а именно “те страны, которые взяли свою судьбу в собственные руки и осознали роль, которую государство может сыграть в экономическом развитии” [Стиглиц, 2005: с. 259]. Попытки построить либерально-демократический капитализм западного образца (с транспарентными правилами рынка, конкуренцией, легитимностью и легальностью частной собственности, инновационной направленностью экономики) с присущим ему образом жизни в постсоветских обществах, организованных и функционирующих на принципиально иных социокультурных основаниях, в течение 20 лет успехом не увенчались, поскольку реализуемая доктрина содержала фундаментальные ошибки, а сама идея теоретически ошибочна и несостоятельна изначально. Речь в данном случае идет не о парадигмальной ценности создания системы “оправдывающего” знания, поддерживающего определенную или существующую линию развития системы, а об исследовательской парадигме науки, о социологии без идеологем, диагностирующей и констатирующей. “История как бы насмехается над действиями тех реформаторов, которые пытаются сконструировать в социальной среде нечто, не отвечающее ее природе, навязать среде путь эволюции без учета ее собственных внутренних эволюционных тенденций. В таких случаях общество попадает в “капкан истории”, приходит к труднопоправимому кризисному состоянию” [Князева, Курдюмов, 1993: с. 40].

Аналитический материал, приведенный выше, позволяет сформулировать следующие выводы:

- В практике применения технологий социальной инженерии необходимо принципиально разграничивать мобильные, изменчивые общественные формы, постоянно совершенствующиеся и воплощающие многообразие творимой человеком реальности (заимствованные и создава-

емые социальные конструкты и институции, адаптируемые и дееспособные в локальной среде), и инварианты общественного развития — исторически устойчивые и постоянно воспроизводящиеся социальные отношения, обеспечивающие целостность общества и его развитие как социальной системы, задающие направления и естественные ограничения его эволюции.

- Самоорганизация социальной системы происходит в соответствии с алгоритмами цивилизационной матрицы, проявляясь в регуляторной функции устойчивых социальных структур, препятствующих катастрофическим последствиям энтропийных флуктуаций, и ценностно-рациональных константах общественного сознания.
- Развитие социальной системы нетелеологично и поливариантно, но спектр возможных альтернатив ограничивается рамками амплитуды, обусловливаемой социокультурным компонентом, сложившимся исторически и определяющим инвариантные признаки общества, не зависящие от пространственно-временных форм его существования.

Источники

Андреев И.Л. Рукописная страница истории марксизма (Проблемы общины и рода в рукописях К. Маркса 70–80-х гг.) / Андреев И.Л. — М. : Мысль, 1985. — 271 с.

Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман ; пер. с англ. Е. Руткевич ; Моск. филос. фонд. — М. : Медиум, 1995. — 323 с.

Бессонова О.Э. Раздаточная экономика как российская традиция / О.Э. Бессонова // Общественные науки и современность. — 1994. — № 3. — С. 37–48.

Бурдые П. Практический смысл / Бурдые П. ; пер. с франц. ; общ. ред. и послесл. Н.А. Шматко. — СПб. : Алетейя, 2001. — 562 с.

Андерсон Б. / Андерсон Б. [и др.] ; пер. с англ. и нем. — М. : Праксис, 2002. — С. 297–307.

Гидденс Э. Социология / Гидденс Э. ; пер. с англ. ; науч. ред. В.А. Ядов ; общ. ред. Л.С. Гурьевой, Л.Н. Посилевича. — М. : Эдиториал УРСС, 1999. — 703 с.

Головаха Е. Эгоизм элиты приводит к красно-коричневой “альтернативе” [Электронный ресурс] / Е. Головаха // День. — 1999. — № 183, 5 окт. — Режим доступа : <http://www.day.kiev.ua/ru.1999.183>.

Грей Дж. Поминки по Просвещению. Политика и культура на закате современности / Грей Дж. ; пер. с англ. — М. : Праксис, 2003. — 368 с.

Дементьев В.В. Экономика как система власти / Дементьев В.В. — Донецк : Каштан, 2003. — 403 с.

Добренёв В.И. Российское общество: современное состояние и перспективы / В.И. Добренёв // Ломоносовские чтения – 2003 : науч. конф. : МГУ им. М.В. Ломоносова : сб. науч. докл. — М., 2003. — С. 3–19.

Ельчанинов М.С. Трансгисторические структуры как фактор социетальной динамики России / М.С. Ельчанинов // Известия Самарского научного центра РАН. — Самара, 2006. — С. 16–19.

Иноземцев В.Л. Френсис Фукуяма. Америка на перепутье. Демократия, власть и неоконсервативное наследие / В.Л. Иноземцев // Вопросы философии. — 2006. — № 8. — С. 181–184.

Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России / Кирдина С.Г. — Новосибирск : ИЭИ ОПП СО РАН, 2001. — 308 с.

Князева Е.Н. Синергетика: начала нелинейного мышления / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов // Общественные науки и современность. — 1993. — № 2.

Коллинз Р. Золотой век макроисторической социологии / Р. Коллинз // Время мира. Альманах. — Новосибирск : НГУ, 2000. — С. 72–89. — (Вып. 1 : Историческая макросоциология в XX веке [под ред. проф. Н.С. Розова]).

Культура имеет значение: Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. — М. : Моск. шк. полит. исследований, 2002. — 315 с.

Луман Н. Социальные системы. Очерк общей истории / Луман Н. ; пер. с нем. И.Д. Газиева ; под ред. Н.А. Головина. — СПб. : Наука, 2007. — 648 с.

Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. — [2-е изд.]. — Т. 25. — Ч. 2 — М. : Прогресс, 1983.

Московичи С. Век толп: Исторический трактат по психологии масс / Московичи С. ; пер. с франц. ; предисл. А.В. Брушлинского; ИП РАН, Дом наук о человеке (Франция). — М. : Центр психологии и психотерапии, 1996. — 478 с.

Назаретян А.П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры (синергетика исторического процесса) : курс лекций / Назаретян А.П. — 2-е изд. дораб. и доп. — М. : Наследие, 1996. — 184 с.

Осипов Г.В. Социальное мифотворчество и социальная практика / Осипов Г.В. — М. : Норма, 2002. — 656 с.

Погосян В.Г. Социальная модернизация: стратегия выживания : [монография] / Погосян В.Г. — М. : ИНИОН РАН, 2009. — 160 с.

Полян К. Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени / Полян К. ; пер. с англ. А. Васильева, А.Шурбелева ; под общ. ред. С.Е. Федорова. — СПб. : Алетейя, 2002. — 313 с.

Саакян А.К. Социальные закономерности становления и развития отношений наёмного труда: автореф. дис. на соискание науч. степени д-ра социол. наук : спец. 22.00.03. А.К. Саакян. — М., 2007. — 36 с.

Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / под ред. В.А. Ядова. — Л. : Наука, 1979. — 264 с.

Седов Е. Информационно-энтропийные свойства социальных систем / Е. Седов // Общественные науки и современность. — 1993. — № 5. — С. 92–101.

Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Сорокин П.А. — СПб. : РХГИ, 2000. — 681с.

Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Сорокин П.А. ; общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов ; пер. с англ. — М. : Политиздат, 1992. — 543 с.

Социальные знания и социальные изменения / отв. ред. В.Г. Федотова. — М. : ИФРАН, 2001. — 284 с.

Стиглиц Дж. Е. Ревущие девяностые. Семена развала / Стиглиц Дж.Е. — М. : Современная экономика, 2005. — 424 с.

Тёрнквист Р. Историко-эмпирическая социология / Р. Тёрнквист // Современная западная социология: теории, традиции, перспективы [пер. со швед.] / П. Монсон. — СПб. : Нотабене, 1992. — С. 260–303.

Харрисон Л. Главная истина либерализма: Как политика может изменить культуру и спасти ее от самой себя / Харрисон Л. — М. : Новое издательство, 2008. — 282 с.

Штомпка П. Социология социальных изменений / Штомпка П. ; пер. с англ. ; под ред. В.А. Ядова. — М. : Аспект-Пресс, 1996. — 416 с.

Frye T. The Invisible Hand and the Grabbing Hand / T. Frye, A. Shleifer // American Economic Review. — 1997. — №2. — P. 260–416.

Kang D. Crony Capitalism: Corruption and Development in South Korea and the Philippines. (Cambridge Studies in Comparative Politics) / D. Kang. — Cambridge : Cambridge University Press, 2002.